

УНИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ: ШОТЛАНДИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

В.Ю. Апрыщенко

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2008 г.

Аннотация: *статья посвящена страницам истории Шотландии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Автор рассматривает проблему становления шотландской идентичности.*

Ключевые слова: *уния, модернизация, идентичность, Шотландия.*

Abstract: *the article is devoted to the history of Scotland in the second part of the XVIII – and the first part of the XIX century. The author investigates the problem of becoming of Scottish identity.*

Key words: *uniya, modernization, Scotland*

Шотландская история XVIII–XIX вв. наполнена целым рядом драматических событий, изменивших облик и статус Шотландии, превративших ее из Каледонии в Северную Британию. Парламентская уния, заключенная в 1707 г., способствовала интеграции двух частей королевства, приведшей к сложному и противоречивому процессу трансформации шотландской национальной идентичности. Одним из условий интеграции стал сопровождающий ее процесс социально-экономической модернизации.

В дискуссиях, посвященных унии, вопрос об экономической выгоде, которую способен принести союз, был одним из основных аргументов сторонников объединения. Однако активная стадия шотландской модернизации начинается лишь в 60-е гг. XVIII в., спустя полстолетия после объединения. Основная задача, стоявшая перед шотландской экономикой, заключалась в том, как в условиях довольно ограниченных ресурсов успешно конкурировать с Англией. Эта цель имела не только собственно экономический характер, но была напрямую связана с национальным сознанием, с идеей нации, которой ситуацию утраты политических легислатур необходимо было компенсировать экономическим и социальным процветанием.

Парадокс заключается в том, что эта конкуренция была возможна только при условии как можно

более полной интеграции в британские структуры. Постепенное включение горной Шотландии в механизм общешотландской экономики способствовало формированию единого шотландского рынка, товары которого стали поступать в Англию, однако, хотя статьи унии и содержали положение о беспошлинной торговле, что давало шотландским товарам доступ на английский рынок, этого было недостаточно для обеспечения экономического роста.

По мнению Т. Дивайна, одного из самых авторитетных экспертов в области изучения шотландской экономики, даже период конца XVII в. не был «эпохой тьмы накануне расцвета» [5]. Кризис 1690-х гг. заставил шотландскую экономику переродиться, и в ней уже тогда стали формироваться механизмы, которые ориентировали ее на колониальный рынок. В тот же период пришло и осознание факта экономической целесообразности использования Ирландии: уже в 1650–1700 гг. от шестидесяти до ста тысяч шотландцев осели там, а Ольстер, по сути, стал шотландской колонией. При этом Шотландия теми, кто переехал в Ирландию, стала рассматриваться как источник необходимых ресурсов. Несмотря на фиаско с Дарьеном, в котором Шотландия потеряла сто пятьдесят три тысячи фунтов (что равнялось четверти ее национального капитала), шотландцы – выходцы из разных слоев населения и территорий – принимали активное участие в деятельности Восточно-Ин-

дийской компании, особенно на протяжении долгого срока, когда Генри Дандас занимал пост Президента управления компании. Хотя они и раньше были активными путешественниками, теперь им открывались более широкие возможности для успеха, для деятельности и в Америке, и в Азии, что способствовало, в свою очередь, развитию внутреннего рынка и производства.

В этой связи, очевидно, можно говорить о трех основных экономических факторах, сыгравших наибольшую роль в процессе осознания шотландцами выгоды союза. Все они составят основу шотландской модернизации. Во-первых, решающим фактором были выгоды землевладельцев и среднего класса, которые, особенно после 1760-х гг., стали проводить модернизацию своего производства, составной частью которой было развитие финансовой сферы. Социальная элита играла огромную роль в образовании крупнейших банков, таких как Банк Шотландии и Королевский банк Шотландии, а также ряда провинциальных мелких банков. Шотландский средний класс в этот период принимал более активное участие в развитии экономики, по сравнению с ирландским. Наконец, лоулендерские землевладельцы во 2 половине XVIII в. гораздо более динамично включались в процесс «улучшений» системы землевладения, нежели их английские соседи. К этому следует добавить и активность шотландских купцов, которые, освоив к началу XVIII в. европейский рынок, использовали полученный опыт в трансатлантической торговле. Однако по-прежнему Англия играла решающую роль в развитии торговли: в 1700 г. на ее долю приходилось 40 % шотландской торговли полотном, скотом, углем и солью [5].

Во-вторых, Шотландия была богата такими полезными ископаемыми, как уголь и железная руда, имея при этом возможность транспортировать добытые ресурсы водным путем. Значительное городское население и связанные с городом рынки стали фактором развития шотландского производства. Природные и демографические ресурсы были чрезвычайно существенны и в XVIII в., но особую роль сыграли в начале XIX столетия, в эпоху активной индустриализации.

Третьим фактором, особенно важным во второй половине XVIII в., стал уровень развития технологий. Начиная с 1760-х гг. английские промышленные технологии стали поступать на шотландский рынок, уменьшая тем самым зазор между экономическим развитием двух регионов. Более совер-

шенные английские технологии находили свое применение в железорудной промышленности, в керамическом и стекольном производстве, полотняной мануфактуре. В начале XIX в. английская реформированная сельскохозяйственная система стала одним из мировых образцов производства, определив тенденции развития и шотландского сельского хозяйства. Инновации в банковском деле, такие как «финансовое сопровождение» или превышение кредита, также были заимствованы шотландцами у их английских коллег.

Категорией, которая в первую очередь выиграла от унии и смогла уже в первые годы после ее заключения повысить свои доходы, стали те землевладельцы и торговцы, которые занимались операциями с зерном. Объем вывозимого зерна в период 1717–1722 гг. увеличился почти вдвое по сравнению с 1707–1712 гг [12]. Банк Шотландии в 1709–1714 гг. вынужден был даже ввести новые правила кредитования для коммерсантов, специализирующихся на зерновой торговле. Процветали и те, кто занимался скотоводством, хотя тенденция роста их производства берет начало еще в период до унии, и подъем торговли скотом приходится на 1696–1725 гг.

Другая категория шотландцев, получившая выгоды от унии, это те предприниматели, которые занимались морскими перевозками и теперь могли чувствовать себя более спокойно под защитой Королевского флота. Более всего из этой категории выиграли купцы Глазго, которые получали основной доход от торговли сахаром и табаком и с 1 мая 1707 г. могли вести колониальный бизнес на законных основаниях.

Уния открыла для шотландцев и ирландский рынок, купцы которого покупали импортированный в Шотландию табак. Хотя торговля им существовала и ранее, теперь, в 1710–1720-х гг., наблюдается ее резкий подъем, который для многих, особенно западных регионов Шотландии (в частности Глазго), был гораздо более значим, чем последующие экономические изменения. Это объясняет и тот факт, что уже к 1715 г. относится фраза, написанная в одном из писем Ганноверов: «мы слышим меньше о якобитизме на западе страны, чем в других ее частях» [12].

Интеграция в британскую элиту способствовала и финансовому развитию некоторых представителей шотландской знати. Ординарный лорд Сессии имел жалование от пятисот до семисот фунтов стерлингов в год в 1759 г., и около тысячи –

в 1766 г. В то же время жалование лорда-президента выросло с тысячи фунтов стерлингов сначала до тысячи трехсот, а потом и до двух тысяч. В Лондоне такие лорды Казначейства, как, например, шотландец Гилберт Элиот Минто, получали жалование в размере двух с половиной тысяч фунтов в год. Рядовой шотландский адвокат в XVIII в. имел доход не менее тысячи фунтов в год, в то время как ректор университета Глазго получал сто пятьдесят фунтов в год в 1753 г., а профессор богословия в университете Эдинбурга – сто шестьдесят [12].

Война с Америкой была еще одним шансом для шотландской аристократии и джентри показать свои военные таланты и повысить доход, хотя правительству было очень сложно контролировать лояльность хайлендерских военных отрядов. Только в августе 1775 г. количество вооруженных шотландцев, главным образом горцев, увеличилось с тридцати трех тысяч человек до пятидесяти пяти тысяч. Правда, в 1781 г. в Америке в распоряжении британских военных командиров находилось всего тридцать четыре тысячи штыков [12].

Война в Америке была очень значима для шотландцев, в том числе и с позиций их собственного положения в Британии, чей правящий класс вел себя так, как того требовал Вестминстер. Исключения хотя и были, но встречались крайне редко. Например, в 1782 г. Джеймс Босуэлл, шотландец по происхождению, заявил, что американцы «вправе добиваться независимости». Дэвид Стюарт Эрскин, одиннадцатый граф Бьюкан, будучи вигом, тоже выступал с радикальных позиций за свободу американских колоний. Интересно, что ему же принадлежит целый ряд работ по шотландской истории, написанных с радикально-патриотических позиций. Будучи блестяще образованным, обучаясь в университетах Сэнт-Эндрюса, Глазго и Эдинбурга, он выступил с идеей создания Общества антиквариев Шотландии и способствовал получению королевской грамоты для его учреждения. В период с 1780 по 1790 г. Эрскин старался придать обществу не просто характер музея, где были бы собраны реликвии, относящиеся к прошлому страны, но и сделать его своеобразным «образовательным центром» шотландской истории, добывая материалы в Риме и Париже. Так нащупывалась почва для перехода от политического противостояния к культурной идентичности.

Шотландская интеграция в британскую экономику была, конечно же, не так проста, и дело здесь не только в разнице уровней развития и экономических потенциалов. Два фактора могут объяснить,

почему Шотландия интегрировалась в английскую экономику не так быстро, как хотелось бы шотландцам. Во-первых, для Англии уния была в первую очередь военным и политическим союзом, англичане не ставили цели более тесного экономического взаимодействия с северным соседом, осознавая, что северные соседи могут стать бременем для англичан. Лондон главным образом был заинтересован в стабильности и порядке в Шотландии, а когда добивался этого (что на протяжении первых десятилетий после унии случалось нечасто), то становился индифферентен к положению на севере. Характерно, что между 1727 и 1745 г. только девять актов парламента касалось непосредственно Шотландии, причем семь из них затрагивали незначительные частные вопросы.

А, во-вторых, природа англо-шотландских торговых связей устанавливала определенную степень защиты от активности северных купцов. До тех пор, пока шотландцы лишь интегрировались в английский рынок в конце XVII в., более половины торговли Шотландии приходилось на неанглийских резидентов. Для сравнения, в тот же период 75–80 % ирландских внешнеторговых операций было связано с Англией, преимущественно это были зерно, скот и шерсть [5]. Правда, эта меньшая степень интеграции позволяла шотландцам защитить их внутренний рынок.

В целом ряде отраслей экономики уния принесла проблемы, которые сделали необходимой реструктуризацию производства. В частности, уже в 10–20-е гг. XVIII в. стала приходить информация из многих частей Шотландии об упадке мануфактурного и рыбного производства, одной из причин которого были высокие пошлины. Об этом свидетельствуют многочисленные отчеты, присланные из городов, где основой хозяйства была рыбная торговля и полотняное производство. Одним из следствий унии стало то, что производство шотландского полотна, которое во многих городах еще с XVII в. было основным, где было занято градообразующее население, как на постоянной, так и временной основе, было в короткий срок замещено ирландским и датским импортом – правительство считало, что государственные интересы выше экономических требований городских рабочих.

Увеличение налогов – на соль в 1711 г., а затем на солод в 1725 г. – спровоцировало социальные выступления, крупнейшим из которых стал «солодовый бунт» 1725 г. Однако современные исследования показывают, что только 15–20 % налоговых сборов уходили из страны в первые полвека после

унии. Налоги росли, но они использовались для удовлетворения возрастающих потребностей гражданской и военной власти Шотландии.

Другой проблемой стало то, что существовавший и до объединения разрыв в развитии между отдельными регионами страны, главным образом между центральной частью и Хайлендом, к середине XVIII в. и особенно после подавления восстания 1745–1746 гг., еще более увеличился. В то время как на юге уния стала приносить первые экономические плоды, на севере экономика, разрушенная восстанием, вообще практически перестала существовать.

Истинные последствия унии стали сказываться после 1740-х гг. Льняное производство, которое в XVIII в. было наиболее важным продуктом, на протяжении 40–80-х гг. XVIII в. развивалось особенно динамично. Важность этого процесса заключалась не только в увеличении производительности, но и в том, что это способствовало накоплению капитала и, соответственно, служило основой для технологического развития, способствуя формированию базы для промышленного переворота и развитию новых слоев населения.

В такой же степени развивалось и табачное производство, «золотой век» которого начинается с 1740-х гг., а уже в 1758 г. экспорт табака превысил английские показатели. Если в 1698–1707 гг. импорт табака в Шотландию составлял полтора миллиона фунтов в год, то в 1722–1731 гг. – более чем пять с половиной миллионов фунтов [10]. Глазго стал табачной метрополией в Западной Европе: в 1738 г. через него проходило 10 % британского импорта табака, а уже в 1765 г. – 40 %. 90 % этого импорта тут же реэкспортировалось во Францию, Голландию, Данию и немецкие земли. Протест английских табакоторговцев, не согласных с шотландским засилием в отрасли, привел даже к реорганизации британской таможенной службы в 1723 г. и формированию профессиональной таможенной бюрократии.

Несмотря на успехи в целом ряде отраслей шотландской экономики, выразившиеся в росте полотняной индустрии, процветании банков, развитии ряда сельских районов, где успешно функционировала торговля скотом, что в целом характеризует шотландскую экономику 1750-х гг. как более стабильную и динамично развивающуюся, чем в первые десятилетия XVIII в., необходима была ее структурная перестройка. В Шотландии одна восьмая часть ее населения в 1750 г. жила в сельской местности. Если в Англии в это время в

городах с населением более десяти тысяч человек проживало 17 % населения, то в Шотландии – 9 %. По европейским меркам урбанизации (процентное соотношение населения, проживающего в городах с населением более 10 000 чел.) Шотландия находилась на одиннадцатом месте в 1650 г., на десятом – в 1700 г., на седьмом – в 1750 г., на четвертом – в 1800 г. и на втором – в 1850 г., уступая лишь Англии [13]. Несмотря на рост темпов урбанизации по абсолютным показателям в начале XIX в. Шотландия все еще отставала от многих европейских стран, таких как скандинавские государства, Польша, Голландия и Англия, и сельская жизнь в стране все еще была очень традиционной. Две трети ее населения в 1830 г. жили в деревнях или городах с количеством населения менее пяти тысяч [13].

В 1821 г. почти половина населения жила в центральной части Шотландии, занимаясь производством в таких городах, как, например, Глазго, в которых насчитывался наибольший процент мигрантов. Ланаркшир в 1801 г. был самым густонаселенным графством. В 1821 г. Глазго, в котором проживала сто пятьдесят одна тысяча человек, обогнал Эдинбург по количеству жителей и стал вторым городом после Лондона. Во второй половине века прирост городского населения Шотландии был самым большим в Европе, кроме, разве что, Польши. Правда, пропорционально количеству городского населения росли и проблемы, связанные с городской жизнью.

1760-е гг. являются рубежом, отделяющим период традиционного развития шотландского общества от динамичного индустриального, и в это же время, по мнению Т. Смаута, произошел переворот в сознании шотландцев, которые начинают осознавать себя британцами [11]. В период между 1750 и 1850 гг. темпы шотландской индустриализации превосходили английские. В 1755 г. население Шотландии составило миллион с четвертью человек, в 1801 г. оно выросло до миллиона шестисот тысяч, а в 1841 г. достигло двух миллионов шестисот тысяч человек. Рост численности населения был относительно невелик по сравнению с другими регионами и государствами, например, с Англией, где во второй половине XVIII в. население увеличилось на шестьсот тысяч [5], однако сама динамика процесса свидетельствует о происходивших структурных изменениях.

Внутренний рынок Шотландии традиционно был не очень развит, но в конце XVIII в., в связи с активной интеграцией горной Шотландии, расширился довольно динамично. Развитие городов

привело к увеличению потребностей в производстве продуктов, строительных материалов и угля. Рост среднего класса также детерминировал и появление специфических потребностей. Если в 1750 г. средний класс составлял 15 % городского населения, то в 1830 г. – 25 %. Эта группа населения демонстрировала свою внутреннюю коллективную идентичность, выражаемую во внешних формах – архитектуре жилых зданий, внутренней фурнитуре, модной одежде и большом количестве других вещей.

Несмотря на расширение внутреннего рынка, он испытывал значительное внешнее влияние, которое со временем лишь усиливалось, что проявлялось, прежде всего, в росте экспорта, в том числе и трансатлантического. В первую очередь это было вызвано возможностями, предоставленными унией, открывшей доступ шотландским товарам на колониальный рынок. До Американской войны за независимость Англия и американские колонии составляли 60 % шотландского рынка льна. С другой стороны, образование США и потеря североамериканского рынка заставили шотландских торговцев искать новые рынки сбыта, и в первые десятилетия XIX в. торговые связи Шотландии были расширены до Южной Америки, Азии и Австралии.

При изучении процессов шотландской модернизации один из основных вопросов заключается в проблеме ресурсов, которыми такая бедная страна, в том числе и капиталом, какой была Шотландия еще в XVII в., могла обеспечивать модернизацию, включая индустриализацию, требующую значительных финансовых инвестиций. Очевидно, что три фактора сыграли в накоплении капиталов определяющую роль. Во-первых, старая элита, землевладельческие слои мобилизовали ресурсы. Многие землевладельцы не только трансформировали систему землепользования, строили мосты и дороги, но и вкладывали деньги в развитие индустриальных предприятий. Помимо строительства коммуникаций и разработки ископаемых, знать основывала банки, финансовые и колониальные компании. Наконец, аристократия была тем каналом, через который колониальные деньги поступали в Шотландию, инвестируясь в шотландскую экономику. Иными словами, старые землевладельческие слои способствовали успешному финансированию трансформирующейся экономики.

Вторым фактором, обеспечившим успешность промышленного переворота, стали торговые связи с Америкой, что было особенно важно для западно-

центрального региона – ядра индустриальной революции в Шотландии. Средства, полученные с колониального рынка, составили основу финансирования восемнадцати мануфактур Глазго в период между 1730 и 1750 гг., и двадцати одного предприятия в 1780– 1795 гг. [5].

В третьих, шотландская экономика эффективно использовала свои инвестиции благодаря разветвленной банковской системе. Ее банковский капитал вырос с 0,27 ф. ст. на душу населения в 1744 г. до 7,46 ф. ст. в 1802 г. В отличие от более консервативных англичан, шотландцы чаще были склонны использовать эти средства для инвестирования в новые предприятия, а также охотнее выдавали денежные кредиты, что способствовало расширению объема капиталовложений в экономику.

В период с 1750 по 1850 г. Шотландия действительно была одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Глазго к концу XIX в. претендовал на звание второго города империи. Помимо него центром технологической модернизации Шотландии был Данди, который, правда, считался «женским городом», не только потому, что во второй половине XIX в. на двух мужчин здесь приходилось три женщины в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, но и потому, что в Данди была чрезвычайно высока доля женского труда – в начале XX в. здесь работали 21 % замужних женщин, в то время как в Глазго – 6 %, а Эдинбурге – 5,6 % [11]. Особенностью шотландской экономики стало то, что она целиком зависела от региональной специализации. «В XIX в., – считает Б. Ленман, – Шотландия развивалась как крайне исключительный регион Британии, ориентированный на мануфактурное производство и экспорт капитала и текстильных товаров» [8].

Со второй половины XVIII в. наблюдаются изменения в продолжительности жизни в Шотландии. Если в середине столетия средняя продолжительность жизни равнялась 33,5 годам, то в 1790 г. – уже 39,4 года [12]. Упал уровень смертности, что привело к демографическому подъему.

Столь же динамичными, как экономические, были и социальные изменения. Традиционно на самом верху социальной лестницы Шотландии стояли высшие магнаты, которые до начала XIX в. сохранили свой статус. Около сорока графов лишь недавно повысили статус и были обладателями титула несколько менее значимого в Шотландии – титула лорда. Бароны автоматически являлись держателями-вождями короны и их интересы были представлены Судом баронов, который просущес-

твовал до 1747 г. Титул «лэрд» очень неопределен и расплывчат, но он, очевидно, является общим для баронов и тех лендлордов, которые баронами не были. Еще ниже стояли таксмены, положение которых целиком зависело от вождя или лэрда.

Однако уже в середине XVIII в. в социальной структуре динамично выделяются профессиональные слои, среди которых наиболее престижными были юристы, доктора, инженеры. Обладатели стипендии Снелл в университете Глазго, которая выдавалась с 1699 г. одному или нескольким самым одаренным выпускникам Баллиольского колледжа, полностью соответствуют этой тенденции. Из семидесяти трех человек, которые получили такую стипендию в XVIII в., восемнадцать стали священниками (на которых, собственно, и была рассчитана первоначально стипендия), восемь – врачами, пять – юристами, четыре – учеными в разных отраслях; характерно, что почти четверть этой группы являлись выходцами из слоев джентри. Поскольку шотландская правовая система с ее Генеральной ассамблеей судей на протяжении всего XVIII в. составляла отличительную особенность Шотландии, она привлекала местные элиты, которые поддерживали и укрепляли шотландское право, как средство сохранения идентичности; а врачи Эдинбурга обычно были более чем достойными конкурентами английским фармацевтам и почитателям Оксбриджа. На протяжении всего XVIII и XIX вв. принадлежность к одной из этих авторитетных профессий являлась той целью, к которой стремились шотландские землевладельческие и средние классы. Именно эти профессиональные слои определяли общественную жизнь в Шотландии, ее культуру и социальную динамику. Возвышение профессиональных классов, которое, в частности, послужило причиной появления стереотипа шотландского врача или инженера, существующего и по сей день, зависело от многих факторов, составивших социальное отличие шотландского общества от английского.

В социальной структуре существовали серьезные отличия между старыми и новыми социальными группами шотландского общества, основанные на возможности профессионалов зарабатывать больше шотландских землевладельцев. Отсюда и их финансовый престиж по отношению к быстро бедневшей местной титулованной аристократии становился все ощутимее. Власть «идеи дворянина», которая заставила многих английских профессионалов завидовать землевладельцам, в Шотлан-

дии была менее сильной; более того, многие шотландские аристократы сами сочетали дворянский и профессиональный статус, что в результате приводило к тому, что формирующийся шотландский средний класс считал себя настоящим правителем, способствуя развитию свободной экономики на всей территории Шотландии [4].

Другой особенностью трансформации шотландской социальной структуры на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. является резко возросшая мобильность населения, возможности которой были предоставлены расширяющейся Британской империей. По мнению Г. Кобурна, который в 50-е гг. XIX в. заметил, что «шотландскость» выжила благодаря активному участию шотландцев в строительстве империи, говорить шотландцу, чтоб он остался дома, было все равно, что просить его закрыть свой бизнес. Для Эндрю Гибба, председателя Шотландской национальной партии, как и для многих его коллег, разделявших националистические взгляды, уния и Империя были синонимами. В 30-е гг. XX в. он написал, что сохранение империи было главным фактором отношений между Англией и Шотландией на протяжении последних трех столетий. Именно империя, по его мнению, подвигла шотландских комиссионеров к унии парламентов [6].

Во второй половине XIX в. сэр Чарлз Дайлк в своей «Великой Британии» писал о том, что хотя шотландцы и не более успешнее в освоении новых пространств, чем представители других народов, «половину населения Канадской конфедерации, Виктории или Куинсленда составляют те, кто рожден именно в Шотландии, и все великие торговцы Индии тоже оттуда. То ли это оттого, что они, по большей части, люди лучше образованные, чем выходцы из других земель, чьи представители просто бедняки, то ли они лучше приспособляются к любой ситуации, но факт в том, что везде за границей вы найдете шотландцев, и они будут процветающими и уважаемыми» [6].

Если на протяжении XVII в. в Европе побывало около ста тысяч шотландцев, преимущественно хайлендеров, которые нанимались на военную службу, то уже во второй половине XVIII столетия их количество быстро увеличивается, причем чаще это были выходцы из равнинных регионов. К тому же еще в XVII в. Стюарты начали заселять Ольстер шотландскими пресвитерианами, что в результате привело к тому, что эта ирландская провинция, гэллоговорящая и католическая, действовала как

мост между ирландцами и беспокойным Хайлендом. В XVIII–XIX вв. ирландцы шотландского происхождения колонизируют Новый свет, где в 1772 г. их было сто пятьдесят тысяч, в то время как из самой Шотландии – пятьдесят тысяч человек.

До 1780 г. правительство враждебно относилось к эмиграции, однако уже после 1815 г., когда рост населения и развитие экономики сделали хайлендерскую проблему поистине катастрофической, поскольку увеличение индустриального населения угрожало социальной стабильности, положение меняется, и эмиграция получает административную поддержку. Между 1815 и 1905 гг. 13 миллионов эмигрантов покинули порты Британии: 8,2 млн – осели в США, 2,1 – в Канаде, 1,7 – в Австралии, 0,7 – в Новой Зеландии и Южной Африке. В общей численности англичане и ирландцы преобладали над шотландцами, но, учитывая, что соотношение англичан и шотландцев в самой Британии никогда не превышало 7:1, процент выезжавших шотландцев был очень велик [6].

Одной из самых дискутируемых проблем шотландской модернизации, имеющих непосредственное отношение к формированию шотландской национальной идентичности, является вопрос о роли английского фактора в становлении индустриального общества и в тех успехах, которые сделала Шотландия. Историки объясняют «зависимость» Шотландии от Англии разными факторами: Т. Смаут – географическим, А. Гилберт – торговым, другие – технологическим; подчиненностью ее финансовой сферы; культурным отставанием. Однако в любом случае эта зависимость была не подавляющим фактором, а стимулом для экономического развития, который проявлялся практически во всех сферах: торговля скотом с Англией хотя и содержала ограниченные возможности, но способствовала трансформации Лотиана и Приграничья; Глазго со временем становился одним из лидеров шотландской экономики, специализируясь на торговой деятельности, что привело к тому, что буржуазия там начала процветать, создавая основу для социальной мобильности; торговля полотном, будучи самой передовой отраслью шотландской экономики, расширяется на север и юг вместе с экспансией Лоуланда, на предприятиях которого зарождается пролетариат; хлопковая индустрия, развивавшаяся на севере пограничья, становится новым направлением экономики, развитию которого способствовали контакты с Англией. В результате, как считает Т. Смаут, зависи-

мость Шотландии от Англии не блокировала, а наоборот, способствовала развитию экономики Шотландии. «Торговля была не объектом [английской] эксплуатации, а фактором роста», – вторит ему Д. Маккроун [9].

Однако в XIX в. наблюдается эволюция от шотландской экономической зависимости, которая была неоспорима веком ранее, к превращению Шотландии во внутреннюю структуру Британии. Факторами этой эволюции, по мнению Д. Маккроуна, было то, что, во-первых, для успешного развития Шотландии ей теперь была необходима лишь незначительная доля иностранного капитала, во-вторых, Шотландия не интересовала Англию как колония, поскольку обладала ограниченными природными ресурсами, и уния была заключена в военно-политических целях, в третьих, шотландское гражданское общество не было разрушено английской колонизацией, как это произошло в Ирландии XVI–XVII вв., в четвертых, шотландская народная культура была чрезвычайно сильна, особенно среди торгового класса, что способствовало сохранению традиционной идентичности, и, в пятых, Шотландии удалось избежать демографического взрыва, подобного ирландскому, благодаря эмиграции и изъятию земель, находившихся в субаренде. Таким образом, Шотландия представляет собой такой пример, в котором ассимиляция способствует экономическому развитию, и при этом не уничтожается традиционная культура.

В дискуссии о соотношении внутренних и внешних потенциалов развития шотландской экономики Иммануил Валлерстайн – сторонник теории «подчиненного развития» и «зависимости» высказал точку зрения, что успешную интеграцию Шотландии можно объяснить лишь двумя факторами – тем, что элита сохраняла свою шотландскую идентичность, а также тем, что в самой Шотландии не было достаточных ресурсов для развития [9]. Идентичность и модернизация оказываются, таким образом, тесно связаны. При этом такой подход полностью соответствует представлению И. Валлерсайна о национальной идентичности и способах ее формирования [1].

Наиболее типичными характеристиками отношения Англии и Шотландии для периода XVIII в. являются термины «центр» и «периферия», которые, хотя и отражают определенные географические, политические, экономические реалии, все же, по мнению П. Клавала, скорее,

принадлежат к области осознания себя и являются субъективными категориями [9]. По мнению американского социолога Майкла Хечтера, автора теории «внутреннего колониализма», в основе процесса «колонизации» Шотландии лежит процесс распространения социальной стратификации, присущей центру, на периферию. Но очень часто социальные слои, свойственные старому обществу, сохраняются как равные или даже главенствующие, что дает основание для репрезентации себя как отдельной нации и стремления к независимости.

«Хотя частичная индустриализация Уэльса и Шотландии не привела к структурной интеграции этих регионов в национальную экономику, была преодолена экономическая стагнация периферии» [7]. Автор характеризует Шотландию как «душу кельтского мира, стремящуюся к объединению», тем самым акцентируя внимание на разнице кельтского севера и англицизированного посредством языка и религии юга и подчеркивая тот потенциал, который может быть заложен в объединении. Поскольку правители шотландского государства были англизированы и ощущали себя наполовину англичанами, Англия не считала необходимым устанавливать полный контроль над шотландскими культурными институтами, как это было сделано в Уэльсе и Ирландии. Жители равнинной Шотландии становились частью британской экономики не оттого, что адаптировали английский язык и культуру, но потому, что это участие соответствовало более широкому британским интересам, они были «подчиненной в своем развитии территорией».

Несмотря на то, что десятилетие спустя Хечтер пересмотрел некоторые аргументы, главным образом, под воздействием критики со стороны историков, основная концепция осталась прежней – национализм возникает из существующей разницы культур, проецирующейся на социальную и политическую жизнь [9]. Из аналогичной теории исходит и Дэвид Эрмитадж, считающий, что процесс создания империи Великобритании на первых порах включал распространение английской юрисдикции на Шотландию и Ирландию, где впервые была «опробована» имперская идеология [3].

Все эти концепции, как правило, игнорируют один немаловажный факт. Хотя изучение экономической динамики и ее факторов действительно дает нам картину, в которой шотландская экономика зависела от «доброй воли» английских конкурентов, не учитывается отношение самих шотландцев

к этому процессу. Для жителей же Шотландии уния лишь открыла возможность процветания и способствовала созданию условий для модернизации их экономики. Не менее важно для шотландцев было и то, что все эти экономические преобразования не затрагивали их традиционную культуру и идентичность.

Значимость модернизации для шотландской идентичности объясняется несколькими факторами. Во-первых, на протяжении долгого времени, вплоть до XVII в., Шотландия не представляла собой единства, ни этнического, ни культурного, ни хозяйственного, ни политического, что делало невозможным реализацию проекта по созданию единой национальной шотландской идентичности. Результатом реструктуризации сельскохозяйственного сектора горной Шотландии и включения его в общешотландский хозяйственный механизм стало то, что Э. Хобсбаум назвал «тремя столпами индустриализма», выходящими далеко за пределы самого сельского хозяйства [2]. Во-первых, увеличилась производительность земли, и стало возможным прокормить большее промышленное население города. Хотя для Хайленда этот процесс имел следствием массовый сгон крестьян с земли в ходе так называемых «чисток». Во-вторых, огромная масса сельского населения была превращена в свободную подвижную наемную силу в целях удовлетворения потребностей несельскохозяйственного производства. Причем зачастую эта «подвижность» выходила далеко за пределы Шотландии и даже Британии. И наконец, значительно увеличился внутренний рынок сбыта для промышленных товаров, в том числе и импортного производства.

Во-вторых, модернизация не только способствовала объединению страны, интеграции разных ее частей, хотя и обладающих разным экономическим потенциалом, но ставящих общие экономические цели, но и обозначила перспективы дальнейшего экономического развития, связанные с англо-шотландским сотрудничеством. Эти цели и интересы в первую очередь касались развития Империи, которая для Шотландии играла, возможно, даже большую роль, чем для Англии. Колонии не только были источником ресурсов, но и давали возможность миграции, которая в условиях шотландских «улучшений» и «чисток» становилась единственным выходом для тех, кого модернизация лишила земли на родине. Начало эмиграции из Шотландии в Новый свет можно отнести к 30-м гг. XVIII в. – времени, когда постюнионист-

ская трансформация только набирала обороты в Шотландии, однако массовые формы этот процесс принял во второй половине XVIII и начале XIX столетия, когда модернизация развивалась наиболее активными темпами. Хотя для многих шотландцев эмиграция была формой протеста, для большинства она означала втягивание в сферу имперской экономики.

В-третьих, в результате модернизации сформировался слой населения, условно называемый средним классом, развитие которого было непосредственно связано с культурным, торговым, политическим, военным взаимодействием Англии и Шотландии. Получив европейское образование на континенте, представители этого слоя, втягиваясь в британскую имперскую систему, ощущали себя, в первую очередь британцами, что несколько не мешало им культивировать шотландскую идентичность. Единство этого среднего класса не стоит переоценивать. Главным образом, оно связано с источниками его происхождения – средний класс составляли как выходцы из среды шотландского дворянства, которым уния предоставляла возможность рационализировать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, так и потомки городского и сельского населения, активно втягивающегося в функционирование имперской экономики. Несмотря на имущественные различия, существующие внутри этой группы населения, общность ее обусловлена той степенью интеграции и участия в британской экономике, которая давала возможность полагать себя в качестве основной социальной категории, способствующей процветанию нации. Этот факт составляет особенность процесса формирования шотландского среднего класса – он был тесно связан с английским, причем эта связь осуществлялась как на уровне экономического взаимодействия, так и в сфере матримониальных контактов.

В-четвертых, благодаря экономической трансформации и стремительной социальной динамике, формировалась интеграционная административная система, которая, с одной стороны, встраивала Шотландию в британские структуры, в том числе и имперские, а с другой – способствовала сохранению целой сети механизмов местного управления на территории самой Шотландии. Важно было, что эта новая система не порывала коренным образом с традиционными институтами, прочно интегрировав их, и видоизменяя в зависимости от требований времени и ситуации, и составляя основу «гражданской идентичности».

В рамках новой системы шотландцы могли реализовывать свои интересы посредством участия в многочисленных формальных и неформальных организациях, что давало им чувство причастности к осуществлению управления своей родиной. Таким образом, формирующаяся административная система включала два важнейших компонента, сыгравших определяющую роль в выстраивании новой идентичности. Во-первых, новые органы управления строились на основе уже существующих традиционных, а во-вторых, к участию в этих органах управления могли привлекаться самые широкие слои населения. Как результат, создавалось чувство непрерывности развития, которое способствовало излечиванию идентификационного кризиса, образовавшегося в результате утраты политических legislатур в процессе принятия акта унии 1707 г. Традиционные социальные институты, это «выжившее прошлое», в данной ситуации сочетались со структурами, порожденными модернизацией.

И, наконец, еще одно значение модернизации заключалось в том, что она, изменив условия развития шотландского общества, обострила проблему совмещения прошлого и настоящего на уровне сознания. Кризис идентичности не мог быть преодолен до тех пор, пока в сознании шотландцев существовал разрыв между представлениями об их обществе, истории и символах, их олицетворяющих, с одной стороны, и реалиями зарождающегося индустриального общества – с другой. Трансформация идентичности должна была происходить в процессе ре-интерпретации традиционных символов посредством соотнесения их с новым историческим контекстом. Своеобразной «подсказкой» для интеллектуалов, занимавшихся решением этой задачи, было то место, которое процветающая Шотландия занимала в рамках Британской империи. Уже к середине XVIII в. произошло выстраивание механизма (экономического, административного, культурного), который создавал условия не только для инкорпорирования экономики в британские структуры, но и для адаптации идентичности, в рамках которой могла совмещаться «шотландскость» и «британскость». Формирование этих методов осуществлялось на основе традиционных принципов отношений и в рамках британских модернизационных практик, но в перспективе имело решающее значение для оформления шотландской национальной идентичности.

В то же время, несмотря на значимость модернизации, ее, очевидно, нельзя считать непосред-

твенной причиной формирования особой шотландской концентрической идентичности. Скорее, модернизация создавала условия, при которых деятельность, направленная на экономическую, социальную и политическую интеграцию, а также усилия интеллектуалов по трансформации идентичности были успешны. При этом, как показала европейская история и XIX, и XX вв., в ряде случаев модернизация приводила к развитию национальных движений под лозунгами политического суверенитета. Последствия модернизации, такие как создание единого рынка, унификация системы управления, социальная мобильность должны были быть осознаны социумом как благо, способствующее процветанию нации. Эта задача решалась в ходе дискуссий, направленных на интеллектуальное конструирование нации. Иными словами, хотя в Шотландии в эпоху Нового времени модернизация и стала одним из факторов, способствовавших становлению концентрической, сочетавшей одновременно идею «шотландскости» и «британскости», идентичности, в общеевропейском контексте соотношение модернизационных и нации-строительных процессов требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М., 2006.

*Южный Федеральный университет,
В.Ю. Апрыщенко, кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета
centre@sfedu.ru
Тел. 8-903-434-55-83*

2. Хобсбаум Э. Век Капитала. 1848–1875. – Ростов-на-Дону, 1999.

3. Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. – Camb., 2004.

4. Brown A., McCrone D., Paterson L. Politics and Society in Scotland. – N.Y., 1996.

5. Devine T.M. The Scottish Nation 1700–2000. – L., 1999.

6. Harvie C. Scotland and Nationalism. Scottish Society and Politics from 1707 to Present. – L., 1998.

7. Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in Britain National Development, 1535–1966. – L., 1975.

8. Lenman B. An Economic History of Modern Scotland. – L., 1977.

9. McCrone D. Understanding Scotland. The Sociology of a Stateless Nation. – L.; NY., 1992.

10. Nash R.C. The English and Scottish tobacco trades in the seventeenth and eighteenth centuries: legal and illegal trade // Economic History Review. XXXV. – 1982.

11. Smout T. A History of the Scottish People, 1560–1830. – L., 1969.

12. Whatley C. A. Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, towards Industrialization. – Manchester ; N.Y., 2000.

13. Whyte I.D. Proto-industrialization in Scotland // Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution Britain / ed. by P. Hudson. – Camb., 1989.

*South Federal University
V.U. Apryschenko, the candidate of the historical
science, the docent of the department of Modern
History
centre@sfedu.ru
Tel. 8-903-434-55-83*